

РЕЦЕНЗИИ

И.В. Мотеюнайте

**СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ.
МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ» (V ПОСПЕЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ).
М.: ИЗД-ВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2003. 332 С.**

Новгородский государственный университет

Рецензирование материалов конференций кроме информирования предполагает оценку сборника как книги, репрезентирующей научное освещение заявленной тематики на данный момент.

Книга требует целостности, а следовательно, принципа (чаще принципов) систематизации частей (статей) внутри нее. В рассматриваемом сборнике выбраны – тематический, хронологический и национальный. Статьи в сборнике расположены по трем разделам (они никак не выделены): сначала 12 теоретических, затем 25 так или иначе касающихся русской литературы и последние 6 посвящены проблемам развития литератур Литвы, Германии, Франции, Грузии, Польши от XVI до XX в. В последних двух разделах статьи даются в хронологическом по материалу исследования порядке. Как видим, проблемы политкорректности не довлеют над здравым смыслом: большинство работ написано о родной литературе, изучению которой способствует знание иностранного языка. В этом отношении важен и следующий штрих: рядом с фамилиями русских и белорусских ученых пишется название города, иностранные же определены, как правило, страной; правда, Сеул и Вильнюс стали однопорядковыми топонимами с Японией, Грузией и Литвой; пространство восточнославянского региона, таким образом, выглядит более освоенным.

Посмотрим на целое сборника с точки зрения методологической: как в нем представлены проблемы и темы сравнительного литературоведения. Читатель предупрежден во Введении о том, что статьи тяготеют к двум типам: «...одни носят преимущественно обобщенно-теоретический и историографический характер, другие обращены к конкретному материалу и посвящены рассмотрению отдельных произведений в сопоставительном плане» (с. 6). Разделение статей по этим типам нетрудно осуществить, взглянув на названия. Отдадим должное авторам-участникам: заглавия, как правило, исчерпывающе информируют

о предмете исследования, что можно рассматривать признаком академической научности.

К историографической части сборника следует отнести лишь статью А.С. Курилова (Москва). Задавшись целью определить дату рождения сравнительного метода в России, автор показал его развитие со времен классицизма. Наблюдения ученого доказывают, что общепризнанный родоначальник русской компаративистики А.Н. Веселовский лишь развивает метод, впервые использованный В.А. Жуковским в статьях о баснях И.А. Крылова и сатирах А.Д. Кантемира.

Несколько статей сборника посвящено собственному методу сравнительного литературоведения. О типологии как его части размышляет П.А. Николаев (Москва); соотношение понятия диалога и компаративных исследований обсуждается в статье А.Я. Эсалнек (Москва). Поскольку сравнение со времен Аристотеля является одним из фундаментальных приемов постижения явления в его специфике и целостности, возникает детский вопрос: чем же отличается сегодня сравнительное литературоведение от просто литературоведения, от литературоведения вообще? Объясняет это А.А. Смирнов (Москва). Проследив становление и развитие компаративистики в европейской истории изучения литературы, автор приходит к выводу, что новые методы – структурный, семиотический, генеративная поэтика, а также культурология – вобрали в себя приемы сравнительного исследования, в результате чего ситуация в науке существенно изменилась. Постструктуралистский подход к любому тексту как интертексту отменяет компаративистику как самостоятельную дисциплину в современном литературоведении. Вывод А.А. Смирнова и подтверждается и опровергается статьями рецензируемого сборника.

Сначала о подтверждениях. Иллюстрацией тезиса о расширении функций компаративистики выглядит статья Л.В. Чернец (Москва), обратившейся к одной

из классических для этой дисциплины тем: восприятие творчества И.С. Тургенева на Западе. Представленный материал, делает вывод автор статьи, убеждает в осознанной еще в XIX в. необходимости изучения функционирования произведений, т.е. рецептивной эстетики. «*Иностраный критик – это для писателя первый представитель потомства*», – утверждается в работе, и «*пространственная дистанция выступает эквивалентом временной*» (с. 203).

Еще одна статья своеобразно убеждает в исчерпанности узко компаративистской методологии – Т.Л. Селитриной (Уфа) «*Интертекстуальность романа Поль Констан “Уайт Спирит”*». Термин в названии использован без особой идеологической нагрузки, поскольку автор сосредоточен на поэтике произведения, в котором «чужое слово» выступает лишь элементом содержательно-значимой формы, неизбежным в современном романе, и не только французском.

Что касается актуальности сравнительного метода, она подтверждается и тем фактом, что современные ученые обращаются к проблемам, подготовившим в эпоху романтизма появление собственно компаративистики. Например, соотношению категорий народной и мировой словесности в осмыслении русских романтиков посвящена статья А.В. Моторина (Великий Новгород). Историческое же существование концепта «национальная» литература рассмотрено в статье Н.Л. Васильева (Саранск), где отмечаются интегративные тенденции в общемировом литературном процессе.

Другим понятием романтизма, способствовавшим рождению сравнительного метода, как известно, был миф. Мифологическая и мифопоэтическая проблематика – одна из наиболее широко представленных в сборнике. Мифопоэтическим образам в разнонациональных картинах мира посвящена статья А.И. Смирновой (Волгоград). Л.А. Ходанен (Кемерово) сравнивает жанровые интерпретации сюжета о вечном страннике в творчестве И.В. Гёте, В.А. Жуковского и В.К. Кюхельбекера, что позволяет увидеть, как широта проблематики, заключенная в этом сюжете, способствовала созданию романтического мифоэпоса. Т.В. Федосеева (Минск) находит основания для сближения трагедий о Прометее Эсхила и Вяч. Иванова. К интерпретациям античного мифа в немецкой литературе XX в. обращается и Т.Н. Васильчикова (Ульяновск).

Но «живучесть» компаративистики несомненна не в смысле тематики и аппарата, не как научный метод, а как интеллектуальный прием. Собственно компаративистская терминология, разработанная в основном на Западе, действительно не привлекает, за очень редким исключением, русских ученых. К исключениям можно отнести и работу А.И. Баранова (Литва) «*Ключевые категории компаративистики и их функции на примере восприятия творчества Ф. Достоевского в Польше*». Переведенность писателя на иностранный язык, как убедительно доказывается в статье,

нельзя считать достаточным критерием его известности в воспринимающей стране. Прояснению объективной картины способствует применение компаративистских категорий рецепции и перцепции.

Традиционный аспект компаративистских исследований – типологические параллели – представлен в сборнике самыми разными вариантами и вариациями. Наиболее показательная часть статей представляет сопоставления различных литературных фактов как проявление широких аналогий и культурологических обобщений. Например, В.Е. Хализев (Москва), выделив в литературе второй половины XIX в. произведения, стремящиеся к постижению надэпохальных универсалий, сравнивает «Снегурочку» А.Н. Островского и «Пера Гюнта» Г. Ибсена с «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше и «Кольцом Нибелунгов» Р. Вагнера. Противоположность мировоззренческих установок, с одной стороны, на сохранение лада и мира как доминантных свойств бытия (А.Н. Островский, Г. Ибсен), а с другой – на вечное стремление вперед, к борьбе и победе, к утверждению сверхчеловека (Р. Вагнер, особенно Ф. Ницше) видна в обе стороны исторической перспективы. Мифы Р. Вагнера и Ф. Ницше вырастают из героического эпоса, а А.Н. Островского и Г. Ибсена – из идиллии. Обе традиции на сверхжанровом уровне дожили до XXI в. Но первая в XX столетии явно доминировала в культуре, оттеснив на периферию гармонизирующие устремления. Установив генезис явлений, автор воздерживается от прогнозов, стимулируя работу критиков. Н.Л. Вершинина (Псков) на примере произведений С. Геснера и В.И. Панаева показывает идиллию как продолжение «*онтологической широкой метафоры, основанной на представлении о соответствиях, скрепляющих и фиксирующих вечную связь Человека и Природы*» (с. 133). Воплощение идиллической топики в произведениях 1840-х гг., далековатых от просветительской стилистики, свидетельствует о специфической для идиллии мировоззренческой доминанте, в частности о восприятии человеческой жизни как целого, «*смоделированного согласно законам Натуры, мудро упорядочивающей течение природной жизни в соответствии с постигнутым умом и сердцем человека Божественным промыслом...*» (с. 134). Рассмотрев формирование культа Андрея Первозванного в разных регионах на материале исторических, фольклорных, письменных, архитектурных источников, Г.Ю. Филипповский (Ярославль) выявляет мотивную общность христианской культуры в литературном самосознании разных этносов.

В особую подгруппу здесь можно объединить не менее широкие по охвату аналогии, но с иными задачами: они представляют сопоставления культурных и литературных явлений для определения их национальной специфики. Например, А.Н. Штырова (Тверь) сравнивает психологический анализ в романе М.Ю. Лермонтова и западноевропейской прозе. Обратившись

к очень старой теме, исследовательница опровергает привычное утверждение о русском предпочтении интуиции разуму. М.Ю. Лермонтов, по мысли автора, на примере своего размышляющего героя демонстрирует *необходимость* глубокого познания закономерностей собственной души, в то время как Ф.Р. Шатобриан, Б. Констан и А. Мюссе, изображая своих героев превосходными аналитиками, акцентируют *невозможность* рационального постижения душевных загадок. Схожая проблематика интересует и Э.И. Абуталиеву (Ульяновск): доминирование проповеднического начала в русских текстах исповедального характера, по ее мнению, свидетельствует *«об онтологической напряженности самосознания личности в русской культуре»*, что отличает ее от *«гораздо более интровертированного, обращенного к проблемам экзистенциальным западного менталитета»* (с. 245).

Методологическую продуктивность широких культурных аналогий, подтвержденных конкретными сопоставлениями, показывает Т. Фудзинума (Япония). На примере *«Бедной Лизы»* Н.М. Карамзина (1792) и *«Танцовщицы»* Огай Мори (1889) автор демонстрирует различие романтизма, который *«существует в груди человека»* (В.Г. Белинский), и исторического стиля, названного этим словом. Романтизм как литературное течение *«зависит от внелитературных условий, социальных, исторических, политических и тому подобных»* (с. 182). Разграничение психологического источника литературного явления и его исторического художественного бытования, безусловно, применимо и к изучению национального литературного процесса.

Другой, не менее традиционный, аспект компаративистики – рассмотрение взаимовлияний разноязычных литератур – занимает наибольшее место в сборнике. К этой группе исследований относятся статьи Ж.В. Некрашевич-Короткой (Минск) *«Новолатинская поэзия XVI века как феномен культуры Великого княжества Литовского»*, В.Б. Семёнова (Москва) *«Формы французской баллады в кругу строфических форм европейской поэзии XIV–XVI вв.»*, П.Г. Пустовойта (Москва), знакомящего читателя с японскими переводчиками И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова. Замечательно интересная, емкая и убедительная работа Е.З. Цыбенко (Москва) предлагает теоретические выводы о разных результатах литературных инспираций, сделанные на богатом материале русско-польских литературных связей. С.А. Салова (Уфа) *«Ломоносов и Фонтенель» – нужно ли название? – И.М.* вскрывает механизм освоения античного наследия русской литературой XVIII в., анализируя влияние Б. Фонтенеля на М.В. Ломоносова. Т.И. Рожкова (Магнитогорск) показывает, как Н.М. Карамзин, учитывая читательский опыт восприятия западноевропейских жанров, вырабатывал новые для русской прозы повествовательские приемы в по-

вести *«Остров Борнгольм»*. Различные варианты связей Ярослава Ивашкевича с русской поэзией отметила Л.Н. Гарданова (Гродно). Практически все работы этой группы основаны на глубоком понимании тезиса А.Н. Веселовского о необходимости *«встречного течения»* в заимствующей литературе. Добавлю, что и в литературоведении: так, при определении литературной ситуации в современной Корее Ким Ен Су (Сеул) считает продуктивным опереться на русский критический и исследовательский опыт.

В сборнике по компаративистской проблематике очень вероятны статьи, посвященные переводу и переводчикам, самостоятельность этой филологической дисциплины очевидна. Из ожидаемых в сборнике исследований подобного рода здесь представлена только статья А.Н. Гиривенко (Москва) *«Романтическая традиция в переводах Аполлона Майкова»*.

Если рассматривать сборник как репрезентацию современных сравнительных исследований в России, что мы и пытаемся сделать, то надо отметить сосуществование в русском литературоведении вполне традиционных по тематике и методу исследований контактно-генетических связей и типологических параллелей с тенденцией к обновлению компаративистики. Она отражена в статьях В.В. Заманской (Магнитогорск), предложившей контекстно-герменевтический метод для анализа литературы XX в.; М.Г. Богаткиной (Казань) *«О многозначной логике в сравнительном литературоведении (концепция “Фауста” Гёте в русской литературе)»*; В. Оцхели (Грузия) *«К вопросу о сравнительном изучении разнорегиональных литератур (на материале польско-грузинских литературных взаимоотношений XIX века)»*. Ш.А. Мазанаев (Махачкала) обозначил как возможный вопрос компаративистики определение национальной идентификации двуязычных писателей. Эта проблема актуализировалась в XX в. в связи с особенностями русского литературного процесса, протекающего на разноязычных территориях.

Другой путь развития сравнительного литературоведения русские ученые видят в расширении предмета компаративистики. Н.В. Тишунина (Санкт-Петербург), основываясь на наблюдениях русских филологов XX в., предлагает отнести к нему взаимодействие искусств в литературном произведении. Словно отвечая коллеге, калужская исследовательница Н.И. Прозорова рассматривает театральность как возможный критерий типологии европейской драмы XX в. А.В. Ставицкий (Кемерово) предложил считать предметом сравнительного литературоведения *«эстетический объект»*. Тот же импульс к поиску перспектив, хотя бы частных, читается и в статье Р.Л. Красильникова (Вологда) *«Сравнительное изучение литературы в свете танатологической проблематики (на материале русского и зарубежного модернизма)»*, и в статье Т.Я. Орловой (Москва), посвященной одному элементу художественной системы

произведений в сравнительном аспекте: автор анализирует образ пещеры в произведениях Е. Замятина, М. Алданова и О. Хаксли.

В заключение хотелось бы сказать еще об одной исследовательской тенденции, намеченной в сборнике: сравнение сегодня направлено, как правило, на выявление специфики явления. Классическая компаративистика Гердера-Бенфея-Веселовского, возникнув в эпоху торжества позитивизма, стремилась к уяснению *сходства*. Обнаружение общности между далекими во времени и пространстве произведениями и даже литературами было радостным, поскольку подчеркивало родство между людьми. Этот аспект дисциплины становится особенно очевиден по прочтении настоящей книги, потому что сегодня сравнение чаще служит уяснению неповторимости каждого литературного факта, к чему, собственно, и призывает в своей статье В.В. Прозоров, опираясь на заветы А.П. Скафтымова: «*Кажущееся, на первый взгляд, сходным и даже во многом совпадающим при внимательном сближении, взаимоотталкиваясь и друг друга опровергая, выходит за пределы “общих скобок”, обнаруживает огромных размеров дистанцию*» (с. 35).

Акцент на общем в явлениях широкого хронологического охвата, ставит, пожалуй, только С.Г. Исаев (Великий Новгород), рассказывая о «Темах в вариациях» в теоретических исканиях А. Белого. Задачей же большинства сопоставлений, представленных в сборнике, становится выявление специфичности какого-либо литературного факта, подтверждаемое срав-

нением, или даже возможное лишь при его помощи. Назову здесь статью И.В. Каргашевой (Тверь) «*Два автора – один сюжет (Л. Тик и Стендаль)*», в которой выражение романтического сознания Тика подчеркивается стендалевским реализмом, и работу М.В. Романенковой (Вильнюс) о жанровой модификации европейского романа, ориентированной на иррациональные и креативно-бессознательные аспекты внутреннего мира человека: «*Жизнь Арсеньева*» И. Бунина и «*Ушедшие не возвращаются*» М. Катиликиса способствует постижению нюансов духовно-эстетического опыта русского и литовского писателей. Особенно наглядно названная тенденция демонстрируется В.Г. Коротким (Минск), объяснившим, почему идея об отдельной белорусско-украинской патриархии не осуществилась в XVII в., и Г.Л. Нефагиной (Минск), которая в статье «*Модернизм в русской и белорусской прозе конца XX века*» показала особенности белорусского модернизма на основе глубокого и тонкого анализа литературных явлений двух стран в историческом контексте.

Указанная тенденция отражает, видимо, общее настроение; на пленарном заседании конференции, по материалам которой издан сборник, едва ли не каждый вспоминал строчку О.Э. Мандельштама: «Не сравнивай: живущий не сравним». Гуманистические тенденции сегодняшней культуры, вопреки глобалистским настроениям цивилизации, воплощаются стремлением к индивидуализации, что органически вытекает из особенности гуманитарных наук.

Е.Н. Шустова

О КНИГЕ Б. МЯГКОВА «РОДОСЛОВИЯ М. БУЛГАКОВА»

Государственный музей А.С. Пушкина, г. Москва

В 2003 г. под патронажем правительства Москвы и Международного фонда им. М.А. Булгакова в свет вышла книга «Родословия Михаила Булгакова». Ее автор – инженер по профессии, булгаковед по призванию – Борис Сергеевич Мягков (1938–2003), посвятивший практически половину своей жизни изучению творчества любимого писателя.

Примечательна тема, выбранная для этого исследования: изучение происхождения рода, истории и семейных связей М.А. Булгакова. Сегодня повышенным спросом читателей пользуются разнообразные труды о предках, семьях и потомках писателей, артистов, военачальников, правителей. Жизненный путь и судьба великих и признанных людей приковывают к себе внимание читающей публики.

Интерес к родословиям в русском обществе актуализировался в XV в., в середине XVI в. появились первые родословные книги, а при Петре I была создана

Герольдмейстерская контора, просуществовавшая вплоть до 1917 г., в ведении которой находились вопросы происхождения и истории родов. Ведением генеалогических документов в России, да и во всем мире, в основном занимались знатные дворянские семьи, которые интересовались историей семейных связей, жизни и деятельности своего рода. Но после революции в России резко изменились приоритеты. Физически истреблялись дворяне, духовенство, купцы, научная и рабочая интеллигенция, уничтожалась память о предках. Семейный институт находился на грани уничтожения. Генеалогией заниматься было просто опасно. Только к концу XX в. мы вновь вернулись к своим истокам: заинтересовались нашим происхождением, семейной историей. Сегодня вновь прошлое рода и семьи становится частью общей истории страны.

«Родословия Михаила Булгакова» первая книга, посвященная всестороннему изучению родовых свя-